This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

DOI: 10.24833/2410-2423-2021-3-27-65-74

FRACTALITY AS A FUNDAMENTAL PRINCIPLE OF MONUMENT POEMS ORGANIZATION

N.V. Zakurdaeva

Academy of the Federal Security Service of the Russian Federation (Academy of the FSO of Russia),
302015, Russia, Oryol, st. Instrument-making, 35

Abstract. *There is a centuries-old tradition of writing monument poems, while their content and form changed under the influence of the artistic context of different literary eras and due to differences in the authors' conceptual pictures of the world. This type of poetic texts is the object of research by Russian and foreign scholars, but the approach to the analysis of "monuments" is rather one-sided: they are studied from the point of view of preserving and developing genre traditions. The article offers a new look into this phenomenon – the fractal principle of the monument poems organization. The relevance of the problem is beyond doubt, since synergetic research makes it possible to illuminate in a new way the stages of a literary text formation due to the inclusion of various monument poems in the intertext of Russian literature. Poems-"monuments" with a fractal organization, act as a nonlinear synergistic self-organizing system. Self-similarity is the main property of fractals, causing fractal changes, which repeat themselves on different scales and take different configurations. Using the methods of linguistic observation, conceptual analysis and the descriptive method, the author comes to the following conclusions: in classical texts a monument poem acts as a semantic fractal, since the texts practically do not change structurally and contain all markers of the conceptual fractal. Non-classical texts are represented as a structural fractal, because they preserve only general formal features of a conceptual fractal, its content is subject to transformation by the poet's artistic intention, specific historical time and other factors.*

Key Words: *conceptual fractal, monument poems, intertext, prototext, metatext, structural fractal, semantic fractal*

For citation: Zakurdaeva N.V. (2021). Fractality as a Fundamental Principle of Monument Poems Organization. *Philology at MGIMO, 7(3),* pp. 65–74. https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-3-27-65-74

ФРАКТАЛЬНОСТЬ КАК ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЙ ПРИНЦИП ОРГАНИЗАЦИИ СТИХОТВОРЕНИЙ - «ПАМЯТНИКОВ»

Н.В. Закурдаева

Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации (Академия ФСО России), 302015, Россия, Орёл, ул. Приборостроительная, 35

Аннотация. *Существует многовековая традиция написания стихотворения-«памятника», при этом содержание и форма стихотворений изменялись под влиянием художественного контекста различных литературных эпох, а также вследствие различий в концептуальных картинах мира их авторов. Подобный тип поэтических текстов является объектом исследования русских и зарубежных учёных, однако подход к анализу «памятников» достаточно односторонний: стихотворения изучают с точки зрения сохранения и развития жанровых традиций. В статье предложен новый взгляд на данный феномен – с точки зрения фрактального принципа организации стихотворений-«памятников». Актуальность проблемы не вызывает сомнений, так как синергетические исследования дают возможность по-новому осветить этапы становления художественного текста благодаря включению разнообразных «памятников» в интертекст русской литературы. Стихотворения-«памятники», имеющие фрактальную организацию, выступают в качестве нелинейной синергетической самоорганизующейся системы. Самоподобие – основное свойство фракталов, вследствие этого фрактал видоизменяется, повторяя сам себя в различных масштабах и принимая различные конфигурации. Используя методы лингвистического наблюдения, концептуального анализа и описательный метод, автор приходит к следующим выводам: в классических текстах «памятник» выступает как семантический фрактал, так как структурно тексты практически не изменяются и содержат все маркеры концептуального фрактала. Неклассические тексты представляют собой структурные фракталы, потому что от концептуального фрактала сохраняются лишь общие формальные признаки, его содержание трансформируется в зависимости от художественного замысла*

Ключевые слова: *концептуальный фрактал, тексты-«памятники», интертекст, прототекст, метатекст, структурный фрактал, семантический фрактал*

Для цитирования: Закурдаева Н.В. (2021). Фрактальность как основополагающий принцип организации стихотворений - «памятников». *Филологические науки в МГИМО. 7(3),* С. 65–74. https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-3-27-65-74

В последнее десятилетие теория фракталов активно осваивается лингвистикой: «вместо используемых ранее уровневой или полевой моделей языка мы предлагаем термин «фрактал», означающий самоподобное множество» [7, с. 365]. Фракталы – это особые формы самоорганизации открытой нелинейной системы, бесконечно изменяющиеся объекты, которые могут по-разному раскрываться в соответствии со своими потенциальными возможностями, при этом каждая часть фрактала обладает свойством самоподобия.

«Поэтика литературного произведения сильно напоминает фрактальный способ воспроизведения авторских концепций... Выявив ключевые концепты в той или иной художественной системе и следуя принципу фрактальности, можно «раскрутить» всю её образно-смысловую парадигму» [2, с. 876]. Фракталы можно «раскручивать» в эстетических системах различных уровней, начиная с общемировой культуры и кончая конкретным художественным произведением или его частью.

У поэтов разных эпох, стран, литературных направлений существовали особые стихотворения, представляющие собой поэтическое завещание, «нерукотворный памятник». Тематика таких стихотворений известна: цель и смысл творчества, взаимоотношения поэта с властью, современниками, преодоление смерти творчеством и т.д. Изучению жанровых традиций «памятников» посвящены работы как русских, так и зарубежных учёных [3], [4]. Предметом исследования данной статьи является фрактальный принцип организации подобных стихотворений. Основные цели работы:

1) проанализировать особенности существования стихотворений- «памятников» в интертексте русской литературы ХУ111–ХХ веков;

2) выявить среди них такой текст, который будет являться концептуальным фракталом, то есть сильным прототекстом для последующих его конфигураций, возникающих как следствие самоподобия;

3) изучить основные признаки «памятников», сохранять традиции жанра таким образом, чтобы в результате изменений концептуального текста-фрактала текст не перестал быть «памятником», не произошла диссипация (лат. dissipatio – рассеяние, переход части энергии упорядоченного процесса в энергию хаоса, в данном контексте – такое изменение смысла концепта-фрактала, которое не позволит «памятникам» оставаться «узнаваемыми»);

4) исследовать основные тенденции, или флуктуации (в терминах синергетики), в изменении содержания и формы стихотворений-«памятников». Флуктуация (от лат. fluctuatio – колебание) – любое случайное отклонение от среднего значения величины. В контексте данного исследования мы понимаем термин «флуктуация» как отклонение (индивидуальная трактовка) от базового фрактала-памятника, которое не разрушает его, а сохраняет общий смысл и форму.

Выбор методики исследования был обусловлен характером языкового материала: были использованы методы лингвистического наблюдения, концептуального анализа и сравнительно-описательный метод.

«Существует многовековая традиция написания «Памятника», имеющая истоки в древнеегипетской прозе. Таковым является анонимное «Поучение писцов». Уже оно задаёт жанровые архетипы стихотворения, связанные с тематикой вечности, вневременности пребывания, уникальности, которые на протяжении веков по-своему преломляются через микрообраз поэта в контексте художественных парадигм разных литературных эпох» [3, с. 3].

Все тексты-«памятники», независимо от времени создания и автора, включены в единое текстовое пространство русской литературы – интертекст, организованный по принципу фрактальности, при этом сами текст образуют микроинтертекст, поскольку обнаруживают ряд сходных элементов. «Интертекст – это объективно существующая информационная реальность, являющаяся продуктом творческой деятельности человека, способная бесконечно самогенерироваться по стреле времени» [6, с. 20]. Таким образом, этот интертекст обладает свойством самоподобия, фрактальности.

Все самоподобные «памятники» обладают набором определённых черт, делающих их «узнаваемыми». Считается, что один из самых известных «памятников» – «Ода к Мельпомене» Горация. Таким образом, Гораций задал некий набор элементов (базовый фрактал), характерный для «памятника»-оды: 1) «воздвиг я памятник вечнее меди», «превыше пирамид»; 2) ничто «не истребит» памятник; 3) бессмертие поэта – «весь я не умру»; 4) слава поэта будет известна всем: «где Ауфит говорливый стремительно бежит», где «с престола Давн судил народ трудолюбивый»; 5) перечисляются заслуги поэта – «первый я на голос эолийский свёл песнь Италии»; 6) обращение к Мельпомене за наградой – «и лавром увенчай руно моих кудрей». В русской поэзии XVIII-

XX веков существовало много переводов оды (А. Семёнова-Тян-Шанского, С. Шервинского, В. Брюсова), но наиболее часто обращаются к переводу М.В. Ломоносова 1747 года – «Я знак бессмертия себе воздвигнул» (интересно, что в переводе Ломоносова нет слова «памятник», оно появится только у Державина).

В интертексте русской литературы много текстов, которые по своему содержанию тоже представляют собой поэтические завещания (например, «Юбилейное» В. Маяковского или «Реквием» А. Ахматовой»), но они останутся за рамками статьи, поскольку предметом исследования являются тексты, написанные в жанре «памятника».

Стихотворения с названием «Памятник» принадлежат перу различных поэтов и были созданы в разное время. Вспомним, что интертекст представляет собой неупорядоченное поле текстов (хаос – в терминах лингвосинергетики, направления когнитивной лингвистики, изучающего образование и самоорганизацию смысла, моделей и структур в открытых нелинейных системах).

Для того, чтобы упорядочить хаос, необходима определённая энергия творца, преобразующая, упорядочивающая хаос, превращающая его во фрактал. Представим самые известные «памятники» на стреле времени:

▹1747	▹1795	▹1836	▹1912	▹1962	▹1973
Ломоносов	Державин	Пушкин	Брюсов	Бродский	Высоцкий

Каждый текст может быть *метатекстом* (вторичным текстом, созданным на основе прототекста, текстом-интерпретатором), но не каждый – *прототекстом* (текстом-прототипом, источником). Для того, чтобы текст стал прототекстом, он должен обладать имплицитной энергией. Энергия, преобразующая хаос, есть сумма энергии прототекста и автора, ведущего диалог с прототекстом. «Создание нового текста (метатекста) в терминах синергетики может быть описано как энергетический резонанс между автором и прототекстами, в результате которого происходит спонтанный выброс энергии – материи, знаменующей рождение нового текста. Этот процесс (энергообмен) и позволяет интертексту бесконечно расширяться и генерировать смыслы» [6, с. 29], видоизменяться как фрактал.

Вернёмся к началу стрелы времени. Текст М.В. Ломоносова не является самостоятельным произведением, это перевод, поэтому начнём анализ с «Памятника» Г.Р. Державина, прототекстом для которого является ломоносовское стихотворение (в литературоведении часто встречается формулировка «вольное переложение оды Горация», таким образом, указан ещё один прототекст – «Ода к Мельпомене»).

По сравнению с прототекстом смысл стихотворения практически не изменился, Г.Р. Державин позволил себе «вольность»: поменял римские реалии на современную ему российскую действительность, но, тем не менее, сохранил фрактальную организацию текста:

И слава возрастёт моя, не увядая,
Доколь славянов род вселена будет чтить.
Слух пройдёт обо мне от Белых вод до Чёрных,
Где Волга, Дон, Нева, С Рифея льёт Урал…
Кроме того, Державин, в отличие от Горация, видит свои заслуги в том,
Что первый я дерзнул в забавном русском слоге
О добродетелях Фелицы возгласить,
В сердечной простоте беседовать о боге
И истину царям с улыбкой говорить.

По сравнению с прототекстом, в «Памятнике» Г.Р. Державина наблюдаем приращение смысла: возникает тема взаимоотношений поэта и власти (поэт не должен зависеть от власти, чтобы иметь возможность говорить истину с улыбкой), тема назначения поэта дана пока имплицитно (назначение – говорить истину), но позже в интертексте русской литературы она разовьётся в диаду «поэт – пророк».

Интертекст – это открытая нелинейная система, в которой постоянно происходит обмен энергией (кстати, Р. Барт говорил, что текст – это пространство, в котором идёт процесс образования

смыслов). Для того, чтобы текст вошёл в культуру, не был забыт, он должен обладать высоким энергетическим потенциалом. «Начальный энергетический потенциал текста (метатекста) есть результирующая энергий прототекста… и автора. Будучи открытой неоднородной и нелинейной структурой, текст подвержен диссипации энергии во времени. Если диссипация переходит некоторый порог, то происходит размывание и распад структуры – такой текст не может породить новый текст» [6, с. 43].

«Памятник» Г.Р. Державина обладал необходимой имплицитной энергией, будучи метатекстом по отношению к «Памятнику» М.В. Ломоносова, он выступил в качества прототекста для «Памятника» А.С. Пушкина. Известный исследователь творчества А.С. Пушкина С.М. Бонди писал о том, что стихотворение «Я памятник воздвиг себе нерукотворный…» нельзя рассматривать изолированно, его необходимо сопоставлять с прототекстом, обращая внимание на внесённые изменения [1, с. 451].

Сюжет стихотворения, как известно, составляет судьба поэта, осмысленная на историческом фоне. В своём тексте А.С. Пушкин использует традиционную жанровую форму памятника в качестве семантического фрактала, сохраняя общие границы содержания (взаимоотношения поэт-власть, поэт-поэзия и др.), но внося личностный смысл. Для русской поэзии «Памятник» А.С. Пушкина становится концептуальным фракталом. Поэт начал с того, что заменил присутствующие в державинском прототексте топонимы на названия различных народов:

Слух обо мне пройдёт по всей Руси великой,
И назовёт меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгус, и друг степей калмык.

Насколько важна эта замена? Вспомним, что «Гораций говорит о ценности своих произведений для римлян, Державин – для русских, а Пушкин – для всех народов России, «для всего человечества» [1, с. 465].

Вопрос о назначении поэта А.С. Пушкин решил по-своему, его предшественники на первое место ставили литературные заслуги: «…чтоб внесть в Италию стихи эольски», «что первый я дерзнул в забавном русском слоге…», но сам поэт отдаёт приоритет не художественной форме, а содержанию поэзии:

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я Свободу
И милость к падшим призывал.

«Пушкин назвал очень важное, существенное качество своего характера – светлый, оптимистический, полный любви и уважения к человечеству характер своей поэзии…» [1, с. 466]. Таким образом, в пушкинском метатексте-фрактале наблюдаем приращение смысла: появляется новая тема противостояния поэта и власти. Тема бессмертия творчества тоже звучит по-новому:

Обиды не страшась, не требуя венца,
Хвалу и клевету приемли равнодушно…

В предыдущих прототекстах венец был желанным: «И увенчай главу дельфийским лавром», «Чело твоё зарёй бессмертия венчай». Муза Пушкина не требует «венца», признания современников, наоборот, налицо конфликт: «И не оспаривай глупца». Возможно, что поэт не рассчитывает на понимание и признание своего творчества современниками.

Х. Гадамер считал, что временной интервал между произведением и восприятием играет положительную роль, так как время играет роль фильтра, сохраняющего подлинный смысл и задерживающего всё второстепенное, поэтому наиболее сильным «Памятником» был текст А.С. Пушкина, который в XX веке не раз выступал в качестве прототекста.

В интертексте русской литературы XV111–X1X веков стихотворения-фракталы с названием «Памятник» являлись особым жанром, имеющим свою структуру и традиционное содержание. Это семантический фрактал, в котором сохраняется тематическое и структурное единство (топонимы, обращение к Музе и другие маркеры). От прототекста к метатексту возрастает энергоём-

кость, смысловая сложность текста, появляется подтекст. Назовём условно эти тексты классическими «Памятниками». Кстати, Ю. Лотман считал, что подобные традиционные тексты, попадая в новый для них контекст современности, оживают и раскрывают скрытые смысловые потенции.

Тексты такого рода, не подверженные диссипации, являются сильными. «… Энергетически сильные тексты постоянно востребованы, то есть постоянно отдают энергию, но именно вследствие этого и получают энергию читателя… Тем самым они не только компенсируют естественную диссипацию энергии во времени, но и увеличивают общую энергетическую ёмкость прототекста. Таким образом, чем больше количество метатекстов, в которых использована энергия прототекста, тем выше энергоёмкость последнего» [6, с. 51].

Стихотворение В. Брюсова «Памятник» написано уже в XX веке, но оно обладает всеми признаками фрактала: «Классические стихотворения-памятники характеризуются структурно-тематическим постоянством. Из относительно устойчивого набора тематических мотивов следует выделить как наиболее частотный мотив самовосхваления поэтических заслуг, и связанный с ним – вечной памяти потомков, географические (пространственные) и временные (исторические) координаты распространения славы, а также локальность постановки памятника» [3, с. 4].

Стихотворение В. Брюсова также представляет собой семантический фрактал, в котором можно обнаружить указанные выше маркеры: мотив «нерукотворного памятника» – «Мой памятник стоит, из строф созвучных сложен», топонимы – «В сады Украйны, в шум и яркий сон столицы, / К преддверьям Индии, на берег Иртыша, – / Повсюду долетят горящие страницы…».

Финал «Памятника» В. Брюсова практически повторяет пушкинский, только мысли о всемирной славе, о невозможности современников оценить по достоинству творчество поэта у Пушкина скрыты в подтексте (отсюда имплицитная энергия текста, большой потенциал), а у Брюсова они выражены явно:

Что слава наших дней? – случайная забава!
Что клевета друзей – презрение хулам!
Венчай моё чело, иных столетий Слава,
Вводя меня в всемирный храм.

На понимание текста, считает Н.А. Кузина, влияют многие факторы, например, жёсткость или мягкость текста, которая определяется числом возможных интерпретаций (чем больше число интерпретаций, которые допускает текст, тем он мягче), простотой или сложностью текста. «Критерием сложности текста мы считаем многослойность, многомерность текста, наличие имплицитной информации. Так, например, объективно сложными являются иронические тексты, в которых текст и подтекст как бы меняются местами – основным смыслом становится именно имплицитный» [6, с. 51].

«Памятник» В. Брюсова не обладает сильным энергетическим потенциалом, поэтому не выступает в качестве прототекста для последующих читателей, он подвержен диссипации во времени. Сильным прототекстом остаётся «Памятник» Пушкина. Данный тезис подтверждает и В.А. Зайцев: «Говоря о роли Пушкина в развитии темы «Памятника», особо следует подчеркнуть воздействие поэта на всю последующую жизнь этой традиции. Достигнув своего рода вершины, он вместе с тем как бы предрёк, предначертал дальнейшие, ещё не использованные возможности раскрытия темы, её многообразные трансформации у последователей в XIX и XX веке» [4, с. 268].

Во второй половине XX века «Памятник» переживает неклассический период, когда как фрактал используется не как содержание, а художественная форма («Памятник» как поэтическое завещание, некая рамка с условными маркерами, содержание сильно варьируется в зависимости от личности поэта). Поэтому каждый последующий метатекст будет трансформацией традиционного, классического «Памятника». Такие трансформации могут носить различный характер: полемический (В. Высоцкий), иронический (Вл. Ходасевич), игровой (И. Бродский) [3, с. 4]. Возникает даже новая форма, которую В.А. Зайцев обозначает как монолог ожившего памятника.

В 1962 году И. Бродский пишет стихотворение «Я памятник себе воздвиг иной…», прототекстом которого является пушкинский текст-фрактал. У Бродского присутствует «воспоминание»

о классическом памятнике: первая строка аллюзивно отсылает нас к Пушкину, но в ней же присутствует слово «иной» – как намёк на полемику с поэтом. Кроме того, для классического «Памятника» свойственно и обращение к Музе, присутствующее в строках Бродского. Это стихотворение в качестве метатекста впитало в себя из предыдущих прототекстов целый «пучок» смыслов: памятник стоит к «…постыдному столетию – спиной…/ А ягодицы – к морю полуправд» (мотивы лжи, предательства, тотального подчинения современников недостойной власти, которой не хочет подчиняться лирический герой стихотворения; «я облик свой не стану изменять» – мотив наведения глянца на жизнь и творчество поэта с целью признания его официальной властью», «пускай меня разрушат, расчленят» – мотив разрушения памятника.

У И. Бродского высокий образ памятника, свойственный концептуальному фракталу А.С. Пушкина, снижается, девальвируется ценность памятника как средства признания творческих заслуг, памятник превращается в фонтан (интересна трансформация из мёртвого в живое).

Из гипсового бюста во дворе
Сквозь белые незрячие глаза
Струёй воды ударю в небеса…

В «Памятнике» И. Бродского впервые возникла антитеза «живая жизнь» – «мёртвый памятник». Позже в продолжение темы поэт напишет стихотворение «Поставим памятник в конце длинной городской улицы…», в котором не только заостряет и развивает указанные мотивы, но и прямо даёт отрицательную характеристику памятнику:

Поставим памятник,
Который никому не помешает…
Поставим памятник лжи.

Таким образом, в XX веке в интертексте русской литературы «памятник»-фрактал меняет свою полярность с положительной (памятник как дань уважения поэту от потомков, символ признания его заслуг) на прямо противоположную оценку (средство обезличивания индивидуальности, ограничения свободы творчества и заключения в привычные рамки). Указанные явления можно увидеть в тексте «Памятника» В. Высоцкого.

Итак, этот текст в результате резонанса и диалога с предшествующими «памятниками»-фракталами накопил достаточно сильную имплицитную энергию. Прототекстом для него послужил, прежде всего, «Памятник» А.С. Пушкина, на что в своих выступлениях указывал сам Высоцкий: «Ну, все пишут памятники, значит… Вот, пора, не нарушая традиций, к тридцати семи годам пора» [Крылов, 2010, с. 246] Намёк на традицию и цифра 37 отсылают нас к прототексту А.С. Пушкина и одновременно – к песне «О фатальных датах и цифрах».

Высоцкий, выступая в качестве читателя прототекста Пушкина, ощущает энергетический резонанс – «совпадение ритмов пульсаций энергии автора и текста, дающее спонтанное многократное её усиление» [6, с. 47]. При этом резонируют как текст, так и подтекст. Результатом резонанса является возникший метатекст, в котором энергией автора метатекста преобразуется прототекст (может изменяться его содержание или структура) в соответствии с конкретным историческим периодом, местом текста на стреле времени.

Психологи утверждают, что новое знание может возникнуть только на базе ранее полученной и хранящейся в мозге информации. Поэтому в процессе творчества автор сознательно или бессознательно обращается к прототекстам. Прототексты, попадающие в поле зрения автора, «проверяются на когерентность, и, если их системы когерентны автору, возникает резонанс» [6, с. 59].

Такой резонанс позволил Высоцкому создать свой «Памятник», сохраняя фрактальный принцип организации текста. Название стихотворения отсылает нас к памяти жанра, предшествующим прототекстам, но маркеров классического «памятника» мы не найдём. От предыдущих прототекстов сохранились темы поэтического завещания, преодоления бренности бытия творчеством и др., но творческая энергия автора изменила классический «Памятник» достаточно сильно. Д.С. Лихачёв писал, что личность творца помогает сохранить в литературе необходимый энергетический уровень, без которого невозможно существование искусства. Стихотворение В. Высоцкого уникально, что у него, как минимум, три прототекста. Первым был «Памятник»

А.С. Пушкина, вторым – И. Бродского и третьим, как справедливо указывают А.Е. Крылов и А.В. Кулагин, было стихотворение В.В. Маяковского «Юбилейное» [5, с. 247].

В. Маяковский, обращаясь к самому сильному прототексту, начинает «Юбилейное» с беседы с Пушкиным. Поэт сохраняет традиционную тематику «Памятника» – тема поэта и поэзии, поиски новых форм творчества:

Нами
лирика
в штыки
неоднократно атакована,
Ищем речи
точной
и нагой.

В тексте Маяковского также присутствуют темы ценности «живой жизни», приведения творчества в рамки:

Я люблю вас,
но живого,
а не мумию.
Навели
хрестоматийный глянец.

О прокрустовом ложе официальной поэзии говорится впоследствии у Высоцкого:

Я хвалился косою саженью –
Нате смерьте:–
Я не знал, что подвергнусь суженью
После смерти, –
Но в обычные рамки я всажен –
На спор вбили,
А косую неровную сажень –
Распрямили.

В метатексте Высоцкого в соответствии с замыслом поэта был произведён отбор смыслового содержания с учётом прототекстов. (В синергетике замысел рассматривается как аттрактор творческой деятельности, определяющий отбор материала). «Памятник» Высоцкого построен на антитезе «мёртвое-живое», при этом мёртвым оказывается самое дорогое – «расторопные члены семьи», снимающие маску с лирического героя.

Характерная для «памятников»-фракталов тема свободы творчества, взаимоотношений между властью и поэтом решается с помощью образа рамки, границы, мерки:

Я при жизни был рослым и стройным…
И в привычные рамки не лез….
Но в обычные рамки я всажен…
Подходившие с меркой обычной –
Опасались…

Текст В. Высоцкого одновременно и продолжает традицию и ломает её: памятник поэту ставят не в результате признания его заслуг перед Отечеством, а как «венец моего исправленья». В. Высоцкий был поэт самиздата, герой «намагниченных лент», которого любила вся страна и с которым бороться средствами официальной пропаганды было неэффективно, поэтому проще «причислить» его к настоящим поэтам, но после соответствующей доработки, наведя глянец:

Мой отчаяньем сорванный голос
Современные средства науки
Превратили в приятный фальцет…
Саван сдёрнули – как я обужен, –
Нате смерьте!–

Неужели такой я вам нужен
После смерти?!

В стихотворении Высоцкого также присутствует тема ожившего памятника, которая далеко не нова для русской литературы («Командора шаги злы и гулки» – аллюзия к Пушкину; у Маяковского памятник Пушкину, прогулявшись, возвращается на своё место: «Ну, давайте, / подсажу / на пьедестал»), но в этом тексте она трансформируется в тему разрушения памятника лирическим героем. Истоки данной темы присутствуют у И. Бродского и В. Маяковского:

Заложил бы
динамиту
– ну-ка,
дрызнь!
Ненавижу
всяческую мертвечину!
Обожаю
Всяческую жизнь! (В. Маяковский)

Высоцкий развивает мотив разрушения, так условное наклонение (возможность действия – *заложил бы*) заменяется прошедшим временем (*прохрипел, ушёл*), констатирующим результат, законченное действие:

Из разодранных рупоров всё же
Прохрипел я похоже: «Живой!»…
Не сумел я, как было угодно –
Шито-крыто.
Я, напротив, – ушёл всенародно
Из гранита.

В ходе проведённых исследований были получены следующие результаты: был выявлен набор элементов базового фрактала-«памятника», характерный для жанра оды; анализ особенностей существования стихотворений-«памятников» в интертексте русской литературы ХУ111–ХХ веков показал, что «Памятник» А.С. Пушкина является концептуальным фракталом, ориентируясь на который поэты создавали свои конфигурации-фракталы, изменяя содержание или форму прототекста. Если в классических текстах-фракталах поэты стремились к увековечению своего творчества путём установки памятника, то в неклассических стихотворениях-фракталах образ памятник снижен, это бесполезный памятник, «памятник лжи». В.С. Высоцкий идёт ещё дальше: предпочитает памятнику живую жизнь. Лексема напротив сразу ставит этот текст в оппозицию к традиции. «Памятник» В.С. Высоцкого – сложный метатекст, ему присуща смысловая множественность, данный текст обогащён традицией написания данного жанра и, вместе с тем, совершенно необычен для интертекста русской литературы.

Интертекст, безграничный во времени и пространстве, в целом находится в состоянии хаоса, под воздействием творца отдельные области интертекста упорядочиваются, превращаясь во фрактал. «Чем меньше текстовых индикаторов…, тем более жёсткими будут условия резонанса автора и читателя, тем более «своего» читателя…» [6, с. 64]. Анализируя многообразие «памятников», созданных на протяжении ХУ111–ХХ веков, можно обнаружить следующую закономерность: в классических текстах (М. Ломоносов, Г. Державин, А. Пушкин) используется память жанра, памятник выступает как семантический фрактал, так как авторы вносят незначительные изменения в семантику текста, структурно тексты практически не изменяются и содержат все маркеры классического «Памятника». Неклассические тексты (И. Бродский, В. Высоцкий и др.) представляют собой структурный фрактал, поскольку от классического текста сохраняются лишь общие формальные признаки, содержание трансформируется в зависимости от замысла поэта, конкретного исторического времени и других факторов. Таким образом, неклассические тексты изменяют привычный образ памятника.

Используя теорию фракталов в качестве инструмента исследования, можно выявить особенности идиостиля автора любого художественного произведения, поскольку каждый текст будет

выступать как фрактал по отношению ко всему корпусу текстов конкретного автора. Фрактальный анализ как метод изучения открывает новый путь наблюдения за упорядочиванием творческого хаоса, стабилизацией поэтического текста.

© Закурдаева Н.В., 2021

Список литературы

1. Бонди С.М. Памятник // Бонди С.М. О Пушкине: Статьи и исследования. М.: Худож. лит., 1978. С. 442-476.
2. Желтова Н.Ю. Поэтика русского национального характера (теоретический аспект) // Вестник ТГТУ. 2004. Том 10. № 3. С.876.
3. Жиляков С.В. Жанровая традиция стихотворения-«памятника» в русской поэзии XVIII–XX вв.: автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук: специальность 10.01.01 «Русская литература». Елец, 2011. 22 с.
4. Зайцев В.А. «Памятник» Высоцкого и традиции русской поэзии // Мир Высоцкого: Исслед. и материалы. Вып. III. Т. 2. / Сост. А.Е. Крылов и В.Ф. Щербакова. М.: ГКЦМ В.С. Высоцкого, 1999. 624 с.
5. Крылов А.Е., Кулагин А.В. Высоцкий как энциклопедия советской жизни: Комментарий к песням поэта. 2-е изд., испр. и доп. М.: Булат, 2010. 384 с.
6. Кузьмина Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. Изд. 5-е. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. 272 с.
7. Симонов К.И. Фрактальная концепция языка // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского. № 1 (32). 2011. с. 360-371.

References

1. Bondi, S.M. Pamiatnik [Monument] // Bondi S.M. *O Pushkine. Statia I issledovaniia* [About Pushkin: Articles and Research.] M .: Art. Lit., 1978. S. 442-476.
2. Zheltova, N.Yu. Poetika russkogo natsionalnogo charaktera. Teoretichesky aspekt [Poetics of Russian national character (theoretical aspect)] // *Vestnik VGTU* [Bulletin of TSTU]. 2004. Volume 10. No. 3. P.876.
3. Zhilyakov, S.V. *Zhanrovaia traditsiia stihkotvoreniia-pamiatnika v russkoi poezii XV111– XX vekov* [The genre tradition of a poem - a «monument» in Russian poetry of the 18th-20th centuries]: dissertation author's abstract for the degree of candidate of philological sciences: specialty 10.01.01 «Russian literature». Yelets, 2011. 22 p.
4. Zaitsev, V.A. "Pamiatnik" Vysotskogo i traditsii russkoi poezii [«Monument» of Vysotsky and the traditions of Russian poetry] // *Mir Vysotskogo* [The World of Vysotsky]: Issled. i materialy. Issue III. T.2. / Comp. A.E. Krylov and V.F. Shcherbakova. M.: GKTsM V.S. Vysotsky, 1999. 624 p.
5. Krylov A.E., Kulagin A.V. *Vysotsky kak entsiklopediia sovetskoi zhisni* [Vysotsky as an encyclopedia of Soviet life]: Kommentary k pesniiam poeta [Commentary on the poet's songs]. 2nd ed., Rev. and add. M .: Bulat, 2010. 384 p.
6. Kuzmina, N.A. *Intertekst i ego rol' v evolutsii poeticheskogo iazika* [Intertext and its role in the evolution of poetic language]. Ed. 5th. M.: Book House «Librokom», 2009. 272 p.
7. Simonov, K.I. Fraktal'naia kontsptsiia iazyka [Fractal concept of language] // *Voprosy sovremennoi nauki i praktiki* [Questions of modern science and practice]. University named after IN AND. Vernadsky. - No. 1 (32). - 2011. p. 360-371.

Сведения об авторе:

Закурдаева Наталья Вячеславовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского и иностранных языков Академии ФСО России (Россия, Орёл). Сфера научных и профессиональных интересов: когнитивная лингвистика, лингвокультурология, лингвострановедение, русский язык как иностранный, риторика. E-mail: zakurdaeva.n@inbox.ru

About the author:

Natalya V. Zakurdaeva – PhD, Assistant Professor of the Department of Russian and Foreign Languages of the Academy of the FSO of Russia (Russia, Oryol). Sphere of scientific and professional interests: cognitive linguistics, cultural linguistics, linguistic and regional studies, Russian as a foreign language, rhetoric.
E-mail: zakurdaeva.n@inbox.ru

* * *